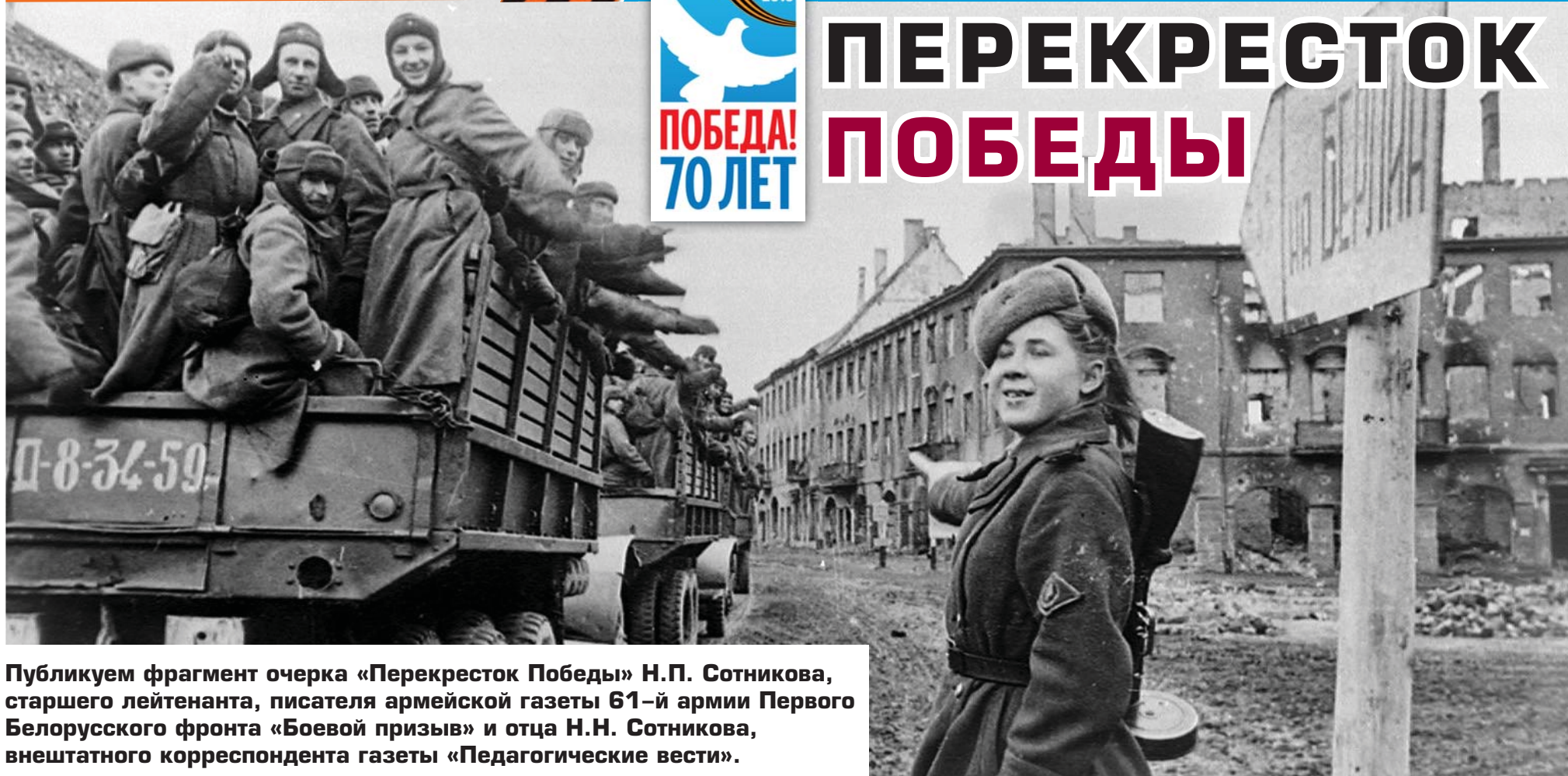

ПЕРЕКРЕСТОК ПОБЕДЫ

Публикуем фрагмент очерка «Перекресток Победы» Н.П. Сотникова, старшего лейтенанта, писателя армейской газеты 61-й армии Первого Белорусского фронта «Боевой призыв» и отца Н.Н. Сотникова, внештатного корреспондента газеты «Педагогические вести».

Я и сейчас вижу его, он стоит перед моими глазами, этот перекресток середины XX века.

Слева, в обратную сторону, на восток, довольно стройными рядами маршируют приободрившиеся военнопленные, вызволенные нами из гитлеровских концлагерей. Шли генералы, офицеры, солдаты самых разных армий: итальянцы, бельгийцы, американцы, англичане, французы, норвежцы, даже финны... Каждая колонна – со своими национальными флажками, трепетавшими в приветственных взмахах. Вся Европа кричала нам «Ура!», Вся Европа, казалось, вышла из плена благодаря нашему наступлению. Наступавшим некогда было заниматься встречами, приветствиями. Наша великая миссия была еще не завершена.

А эти все люди спешили именно на восток, где их ожидало на наших заставах у Одера и Вислы давно желанное освобождение, еда, отдых, внимание и сочувствие. Они это знали, идя на восток даже тогда, когда их страны находились там, на западе, где продолжали громыхать последние битвы Второй мировой войны. «Зачем лишний риск?» – рассуждали здравомыслящие европейцы: еще несколько дней и дорога домой будет свободной и главное – безопасной.

Туда же, на восток, шли и советские люди, освобожденные из фашистской неволи. Им не надо было поворачивать назад, они следовали вперед неуклонно. И если среди иностранцев царил веселое оживление, то хотя и в этих наших колоннах были вспышки ликования, но больше было слез. Любимый непредрешенный видел, что нашим в плену и вообще на войне досталось больше, судьбы сложились в целом трагичнее, вид был изнуреннее, почти все шли в настоящие лохмотьях, шли медленнее – и хотели бы быстрее, да сил не было! И вот в этих наших колоннах то там, то сям начинались и умолкали песни. Народ нес свои песни на Родину! Он их не забыл. Он украшал этими песнями свою дорогу домой.

Шла еще третья нескончаемая вереница людей. По правой стороне магистрали, но строго на запад, невзирая ни на что, уходили граж-

данские немцы – то есть население восточных земель так называемого «тысячелетнего рейха», который доживал на наших глазах свои последние дни. И даже часы.

Медленно, но упорядоченно двигались старики, старухи, подростки, женщины – матери, толкавшие перед собою детские колясочки, как видно, очень тяжелые, потому что дети буквально утопали среди каких-то вещей. Шли эти немцы молчаливо, понуро. Что их ждет там, между Эльбой и Рейном? Они надеялись на успокоение. Им не

который способен был бы художественно постичь увиденное. И я до сих пор мучаюсь многими вопросами, терзаюсь догадками, спорю сам с собой.

А четвертый поток? Это те, кто еще недавно мнили себя хозяевами Европы и даже всего мира, – фашистские солдаты. Где они сейчас? Вот они, растерянные, жалкие, суетливые, безоружные, не находящие себе места на асфальте перекрестка середины XX века. Немецкие солдаты толпятся на обочине. Среди них больше всего либо

на всей земле, к полновластной хозяйке Европы – молоденькой советской регулировщице!

Этой девушкой нельзя было не залюбоваться! Она была в пригнанной к стройной фигуре вытуженной шинельке. На ней красовалась пилотка, из-под которой всё же выбивалась русая коса. А ей было некогда даже поправить прическу!

– Фрай!.. Фрейлен! – зывали к ней обескураженные немецкие вояки, – Гитлер капут!

Но девушке не было времени ни оценивать ситуацию, ни разбираться с немчурой. Одной рукой она отмахивалась от них, как от назойливых мух, а другой поднимала и опускала свой жезл, который в данный момент мне казался маршальским жезлом, видимым всей взбодороженной Европе.

Она указывала дорогу всем участникам всех потоков, она знала место каждому: нашим войскам – только вперед, на запад, гражданским беженцам – туда же (они порядок не нарушат, сами дойдут), путь на восток – освобожденным иностранцам и нашим родным людям. А военным немцам, ступавшим порою на запретный, столь тесный в эти великие дни асфальт, она коротко бросала: – Назад! Цюрик!

Тем не менее, какая-то группа немецких вояк прорвалась к регулировщице и окружила ее, повторив свою просьбу, – Идите, куда хотите! – крикнула она им, и я это слышал. Ее голос прозвучал звонко, но грозно и властно. – Да убирайтесь же вон с дороги! – не стерпела девушка и, топнув блистательно начищенным сапожком, пропустила вперед вереницу наших пушек.

До сих пор жалею, что не прорвался поближе к ней со своим журналистским блокнотом. Мне так хотелось спросить ее: Как Ваша фамилия, товарищ ефрейтор? Скажите мне! Это так важно для всех нас, для всех, кто будет жить после нас! Ответьте, пожалуйста!

До сих пор мечтаю о таком памятнике – памятнике русской девушке-регулировщице. Такой памятник сказал бы современникам и потомкам не меньше, чем памятник в честь солдат-освободителей.

...Над Эльбой алел рассвет. Весело пробуждались мои друзья, воодушевленные крылатой вестью – Победой!

И тут я увидел... бабочку! Впервые за все дни войны. Она пролетела надо мной именно утром на рассвете нашей Победы и была так прекрасна, как может быть прекрасна только жизнь.

А на той стороне Эльбы уже сердито и недовольно фырчали, разворачиваясь, американские джипы.

1945–1978

Берлин – Ленинград – Москва

Эту фотографию снимал не фотокор, а любитель, трофейной «лейкой», той самой, о которой поется в песне К.Симонова: «...с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом». Пулеметов, правда, отец, старший лейтенант Н.А. Сотников не припомнит, но кобура у каждого из четверки друзей-военников на одной из первых освобожденных улиц Берлина не застегнута – таков был строгий боевой приказ. Война кончилась, но еще не закончилась. Немало друзей-товарищей полегло и после того, как отстремели салюты 9 мая 1945 года. Об этом тоже надо помнить и об этом надо писать!

Меня не раз спрашивали: «А что это у твоего отца в руке?...» Он (на снимке второй слева) очень любил цветы – с раннего детства до последних дней жизни, а тут буйно, как в России, расцвела черемуха. Вот у него в руке и оказалась черемуховая ветка!

Н.Н. СОТНИКОВ

мешали. Я не видел, чтобы их кто-нибудь тронул.

Все колонны, все названные мною потоки двигались сами по себе, не сообщаясь друг с другом. И в этом, вероятно, тоже был глубокий исторический смысл, было всему этому и политическое, и психологическое объяснение. Я стоял как зачарованный и видел всё не только глазами фронтовика, но и глазами кинематографиста. Но тогда еще не был рожден широкоформатный экран, и не нашелся до сих пор сценарист и режиссер,

слишком молодых, либо слишком пожилых. Это последние резервы Гитлера. Они никому не нужны, С ними никто не считается, никто не общается.

На кого же с надеждой устремлены их глаза в эти мгновения? Ведь им так хочется уже сейчас что-нибудь узнать о своем месте на земле? Им хочется определенности, порядка, ясности, наконец, им хочется еды. И со всеми своими многочисленными вопросами они тянутся к единственному человеку, олицетворяющему для них власть

Девушка их не слушала. О том, что Гитлеру будет капут, она знала и сама – наверняка еще с первых дней войны.

Битте! Плен, плен! – кто-то подсказывал так нужное немцам сейчас слово, важнейшее, спасительное. Дескать, фрейлен, милая! Возьми нас, пожалуйста, в плен! Об этом ее, хрупкую, изящную девушку, одинокую на ВСЕМ огромном перекрестке, БЕЗ ОРУЖИЯ ПРИ СЕБЕ молили сотни здоровенных мужиков! Это было трагикомическое зрелище!